

КУРТ ВОННЕГУТ

*МЕХАНИЧЕСКОЕ
ПИАНИНО*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
В73

Серия «Эксклюзивная классика»

Kurt Vonnegut
PLAYER PIANO

Перевод с английского *М. Брухнова*

Серийное оформление *Е. Фerez, А. Фереца*

Печатается с разрешения
The Wylie Agency (UK) Ltd.

Воннегут, Курт.

В73

Механическое пианино : [роман] / Курт Воннегут ; [пер. с англ. М. А. Брухнова]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-093750-9

Добро пожаловать в прекрасный новый мир!

Общество разделено на две неравные части. Привилегированную группу составляют люди с высоким уровнем интеллекта — управляющие и инженеры на полностью автоматизированном производстве. Остальные существуют по другую сторону реки — без определенного занятия, в контролируемом машинами пространстве умеренности.

Кажется, что сыты и целы и волки, и овцы. Но так ли это на самом деле? Да и в одной ли сытости дело?

Конфликт между устроенным по инерции удобством и истинными потребностями человека описан с неподражаемыми иронией и колкостью, а также глубиной, отличающей лучшие произведения Курта Воннегута.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Kurt Vonnegut, 1952

© Перевод. М. Брухнов, наследники, 2015

ISBN 978-5-17-093750-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2023

I

Город Илиум в штате Нью-Йорк делится на три части. Северо-восток — место жительства управляющих, инженеров, а также городских служащих и небольшой группы специалистов; северо-запад — обиталище машин; в южной же части, отделенной от прочих рекой Ирокез и получившей в народе название «Усадьба», ютится все остальное население.

Если бы вдруг мост через Ирокез оказался взорванным, это мало изменило бы обычное течение жизни. И по ту, и по другую сторону реки, пожалуй, не найдется желающих общаться между собой, и навещать-ся на тот берег их может заставить разве что простое любопытство.

Во время войны в сотнях таких же илиумов управляющие и инженеры научились обходиться без мужчин и без женщин, которых отправили сражаться. Война была выиграна невероятным способом — одними машинами, без применения людской силы. В стилизованных патио на северном берегу Ирокеза жили люди сведущие — именно те, кто выиграл войну. Это именно им, сведущим людям, демократия обязана жизнью.

Десять лет спустя после окончания войны — после того, как мужчины и женщины вернулись к своим очагам, после того, как бунты были подавлены, а тысячи бунтовщиков были брошены в тюрьмы за сабо-

таж, — доктор Пол Протеус сидел в своем кабинете, поглаживая кошку. В свои тридцать пять лет он был уже самой значительной фигурой в Илиуме — управляющим Заводами Илиум. Это был высокий худощавый брюнет с мягким взглядом, с длинным лицом, как бы перечеркнутым очками в темной оправе.

Но в данный момент, как, впрочем, и вообще в последнее время, ни своей значительности, ни своего выдающегося положения он вовсе не ощущал. Сейчас ему важно было только, чтобы кошка освоилась с новой для нее обстановкой.

Люди, достаточно старые для того, чтобы помнить, и слишком старые, чтобы состязаться с Протеусом, с умилением признавали, что он как две капли воды походит на своего отца в молодости. Считалось неоспоримым (в некоторых кругах это признавали с оттенком неприязни), что Пол в один прекрасный день продвинется по служебной лестнице так же далеко, как и его отец. Доктор Джон Протеус-старший к моменту своей смерти был первым национальным директором Промышленности, Коммерции, Коммуникаций, Продовольственных товаров и Ресурсов — пост, по важности уступающий разве только посту президента Соединенных Штатов, да и то лишь в определенной степени.

Правда, рассчитывать, что гены семьи Протеусов будут переданы еще одному поколению, не приходилось. Жена Пола, Анита, его секретарь в военные годы, была бесплодна. Ирония, если кому-нибудь и пришлось бы в голову иронизировать по этому поводу, заключалась в том, что Пол женился на ней после того, как Анита в один из интимных вечеров, устраиваемых в честь победы, совершенно определенно сообщила ему о своей беременности.

— Ну как, киска, нравится? — Доброжелательно и с чувством вины молодой Протеус нежно погладил

кошку свернутой копиркой по выгнутой дугой спине. — Мммм-а — хорошо, правда?

Он поймал ее сегодня утром у площадки для игры в гольф и принес на завод ловить мышей. Только вчера вечером мышь прогрызла изоляцию на контрольном кабеле и временно вывела из строя здания №17, 19 и 21.

Пол включил интерком на своем столе.

— Катарина?

— Да, доктор Протеус?

— Катарина, когда же будет напечатана моя речь?

— Я занимаюсь этим, сэр. Еще десять — пятнадцать минут, честное слово.

Доктор Катарина Финч была его секретарем и единственной женщиной на Заводах Илиум. Фактически она была лишь символом его высокого положения, а отнюдь не помощницей, хотя некоторую пользу она все же приносила, заменяя его на время болезни или когда у него возникало желание пораньше уйти с работы. Только большое начальство — от управляющего заводом и выше — имело секретарей. Во время войны управляющие и инженеры обнаружили, что значительная часть секретарской работы, как, впрочем, и другой второстепенной работы, может быть выполнена быстрее, дешевле и результативнее при помощи машин. Аниту, когда на ней женился Пол, как раз собирались уволить. И вот сейчас, например, Катарина раздражала его своей медлительностью, тем, что неторопливо набивая его речь, она одновременно разговаривала со своим, как все полагали, любовником, доктором Бадом Колхауном.

Бад, управляющий нефтебазой в Илиуме, бывал занят только тогда, когда поступало горючее. Большую часть времени между этими напряженными моментами он проводил, как и сейчас, отвлекая внимание Катаринины потоками своего мягкого говора уроженца Джорджии.

Пол взял кошку на руки и поднес ее к огромному, во всю стену окну.

— Масса мышей здесь, киска, масса мышей! — сказал он.

Он показывал кошке старое поле боя. Здесь, в долине реки, могауки победили алгонкинов, датчане — могауков, англичане — датчан, американцы — англичан. Сейчас поверх костей и сгнивших частоколов, пушечных ядер и наконечников стрел раскинулся треугольник стальных и кирпичных зданий, треугольник, каждая сторона которого вытянулась на полмили, — Заводы Илиум. И там, где некогда люди с воплями кидались друг на друга или вели борьбу не на жизнь, а на смерть с природой, теперь гудели, визжали, щелкали машины, изготавливая детали к детским коляскам, пробки к бутылкам, мотоциклы, холодильники, телевизоры и трехколесные велосипеды — плоды мирного производства.

Пол перевел взгляд выше, за крыши огромного треугольника, на солнечные блики на поверхности Ирокеза и за реку — на Усадьбу, где живет еще много людей, носящих имена пионеров: ван Зандт, Купер, Кортлэнд, Стоке...

— Доктор Протеус? — Это опять была Катарина.

— Да, Катарина.

— Опять!

— Третий в здании 58?

— Да, сэр, сигнальная лампочка снова зажглась.

— Хорошо, позвоните доктору Шеферду и узнайте, что он намерен предпринять.

— Он сегодня болен. Помните?

— Тогда, видимо, придется заняться этим мне.

Он надел пиджак, взял кошку и, тоскливо вздохнув, вошел в комнату Катарина.

— Не вставайте, не вставайте, — сказал он Бадю, который растянулся на диване.

— А я и не собираюсь вставать, — отозвался тот.

Три стены этой комнаты были от пола до потолка уставлены измерительными приборами, кроме пространства, занятого дверями в кабинет Пола и приемный зал. Вместо четвертой стены, так же как и в кабинете, было огромное окно. Измерительные приборы были одинакового размера, каждый с пачку сигарет. Они покрывали стену плотными рядами, точно кафель, и на каждом из них была блестящая медная пластинка с номером, и каждый из них соединялся с группой машин где-то на Заводах. Сияющий красный рубин привлек его внимание к седьмому прибору снизу в левом пятом ряду на восточной стене.

Пол постучал пальцем по счетчику прибора.

— Ага, опять то же: третий номер в 58-м отказал. Ну ладно, — он взглянул на остальные счетчики. — Полагаю, это все?

— Да, только этот.

— А на кой черт вам сдалась эта кошка? — спросил Бад.

Пол прищелкнул пальцами.

— Кстати, я рад, что вы спросили об этом. У меня есть для вас задание. Мне нужно какое-то сигнальное приспособление, которое оповещало бы эту кошку, где она сможет поймать мышь.

— Электронное?

— Хотелось бы.

— Значит, необходим какой-то сверхчувствительный элемент, который мог бы учуять запах мыши.

— Или крысы. Подумайте об этом, пока меня здесь не будет.

Шагая в бледных лучах мартовского солнца к своей машине, Пол вдруг понял, что Бад Колхаун к моменту его возвращения в контору на самом деле сконструирует сигнальное приспособление, и притом такое, что его будет понимать и кошка. Иногда Пол задумывался над тем, что его, пожалуй, больше

устроила бы жизнь в каком-либо ином историческом периоде, а вот закономерность существования Бада именно сейчас не вызвала никаких сомнений. Бад был воплощением подлинного американца, типа, сложившегося с первого же момента образования нации, — он обладал и неутомимостью, и проницательностью, и воображением техника. Нынешнее время для поколения бадов колхаунов было кульминационной точкой или приближалось к кульминации — теперь, когда почти вся американская промышленность оказалась объединенной в единую гигантскую машину Руба Голдберга.

Пол задержался подле автомобиля Бада, стоявшего рядом с его собственным. Бад несколько раз демонстрировал Полу достопримечательности своей машины, и Пол в шутку решил ее завести.

— Поехали, — сказал он машине.

Раздалось гудение, потом — щелчок, и дверь распахнулась.

— Залезай, — произнес записанный на пленку голос из-под приборного щитка.

Педаля стартера опустил, мотор взвыл и тут же заработал ровно. Включилось радио.

Забавляясь, Пол нажал кнопку на рулевой колонке. Заурчал еще какой-то механизм, мягко скрипнули шестеренки, и два передних сиденья начали равномерно откидываться, подобно сонным любовникам. Это так же неприятно подействовало на Пола, как вид операционного стола для лошадей, который ему однажды пришлось наблюдать в ветеринарной больнице: лошадь там подводили к вращающемуся столу, привязывали к нему, усыпляли при помощи наркоза, а затем запрокидывали в удобное для оперирования положение при помощи шестеренок подвижной крышки стола. Пол явственно представил себе Катарину Финч, как она запрокидывается, запрокидывается, запрокидывается,

а Бад напевает что-то, не снимая пальца с кнопки. Нажатием другой кнопки Пол поднял сиденья.

— До свидания, — сказал он автомобилю.

Мотор умолк, радио выключилось, Пол вышел, и дверца захлопнулась.

— Не дай себя обжулить! — выкрикнул автомобиль, когда Пол уже усаживался в свою собственную машину. — Не дай себя обжулить, не дай себя обжулить, не дай...

— Ладно, не дам!

Автомобиль Бада, наконец успокоившись, умолк.

Пол ехал по широкому чистому бульвару, пересекающему заводскую территорию, следя за мелькающими номерами домов. Маленький автобус, непрерывно сигналивая, промчался в обратном направлении к главным воротам. Он забавно вилял по пустой улице, а его пассажиры приветливо махали Полу. Он взглянул на часы. Это закончила работу вторая смена. Пола раздражало, что ради нормальной работы завода ему приходилось поддерживать щенячье веселье этих юнцов. Предосторожности ради он снова заверил себя, что, когда он, Финнерти и Шеферд приступали к работе на Заводах Илиум тринадцать лет назад, они были более зрелыми, менее самоуверенными и уж наверняка были лишены этого чувства принадлежности к избранной касте.

Кое-кто, в том числе и прославленный отец Пола, поговаривал в старые дни о том, что инженеры, управляющие и ученые составляют якобы элиту нации. И когда неизбежность войны стала уже очевидной, было решено, что сведущие люди Америки — это единственное, что можно противопоставить предполагаемому численному превосходству армий противника. Вот тогда и пошли разговоры о постройке более глубоких и надежных убежищ для сведущих людей и о необходимости избавить сливки общества от участия в сражениях на передовой. Однако лишь немногие приняли

близко к сердцу идею сохранения элиты. Когда Пол, Финнерти и Шеферд окончили колледж в самом начале войны, они, как тыловики, избавленные от отправки на фронт, чувствовали себя довольно глупо — как бы обойденными по сравнению с теми, кто туда попал. Однако теперь, когда все эти рассуждения об элите, эта уверенность в своем превосходстве, это чувство правомерности иерархии, возглавляемой управляющими и инженерами, вдалбливаются в головы выпускников всех колледжей, об этом теперь никто не задумывается.

Пол почувствовал себя лучше, войдя в здание 58, длинное узкое строение, вытянувшееся на четыре квартала. Пол испытывал к нему странную привязанность. Ему не раз советовали снести северную часть здания, но ему удалось убедить Штаб не делать этого. Северная часть здания была самым старым строением на всем заводе, и Пол сохранил его ради исторического интереса, который оно представляло для посетителей, как он объяснил Штабу. Но, честно говоря, он не признавал и не любил посетителей и сохранил северную часть здания 58 для себя. Поначалу это был машинный цех, основанный Эдисоном в 1886 году, в том самом году, когда он открыл еще один такой же цех в Скенектеди. Посещение его служило лучшим лекарством для Пола в периоды подавленного настроения. Такие встречи казались ему неким вотумом доверия со стороны прошлого — прошлое как бы признавало свою убогость, и человек, перенесясь из этого прошлого в настоящее, мог сразу определить, что человечество за это время проделало большой путь. А такого рода подтверждения время от времени были необходимы Полу.

Он упрямо повторял себе, что дела сейчас идут и в самом деле лучше, чем когда бы то ни было. Раз и навсегда после кровавой военной бойни мир наконец избавился от своих неестественных страхов — массового голода, массового лишения свободы, массового из-

девательства и массового убийства. Говоря объективно, сведущие люди и законы мирового развития наконец получили свой долгожданный шанс превратить землю в приятную и приемлемую для всех обитель, где спокойно, в трудах можно дожидаться Судного дня.

Иногда Пол страстно желал, чтобы его в свое время все-таки отправили на фронт, где он услышал бы грохот и шум, увидел раненых и убитых, а возможно, даже и получил бы пару шрапнельных пулевых ранений в ногу. Возможно, тогда методом сравнения он смог бы убедиться в том, что казалось столь очевидным другим, а именно, что все, что он делает сейчас, сделал и еще сделает в качестве управляющего и инженера, жизненно необходимо, а отнюдь не достойно сожаления, и что он на самом деле помогает установлению золотого века на земле. Но за последнее время система и организация его работы то и дело возбуждали в нем чувство беспокойства, раздражения и тошноты.

Он стоял в старой части здания 58, заполненного сейчас сварочными машинами и комплексом машин, наматывающих изоляцию. Он чувствовал себя спокойнее, глядя на грубо отделанные деревянные стропила с древними следами обработки под обсыпающей известкой и на темные кирпичные стены, достаточно мягкие для того, чтобы люди — бог знает сколько лет назад — могли вырезать на них свои инициалы: «КТМ», «ДГ», «ГП», «БДХ», «ХВ», «ННС». Пол на минутку представил себе — он часто любил это делать при посещении здания 58, — что он Эдисон, стоящий в дверях одинокого кирпичного здания на берегу Ирокеза, а дующий снаружи ветер с верховьев хлещет по кустам ракитника. На стропилах все еще оставались следы того, что Эдисон сделал из этого одинокого кирпичного сарая: дыры от болтов указывали места, где когда-то были верхние блоки, передававшие энергию целому лесу приводных ремней, а пол из толстых дере-

вянных брусьев был еще черен от масла и выщерблен станинами грубых машин, приводившихся в движение этими ремнями.

На стене в кабинете Пола висела картина, изображающая этот цех таким, каким он был в самом начале. Все рабочие, в большинстве своем набранные с окрестных ферм, стояли плечом к плечу среди неуклюжих машин перед фотографом, почти свирепые от гордости и важности, странные в своих жестких воротничках и котелках. Фотограф, привыкший, по всей вероятности, снимать спортивные команды или религиозные братства, придал им на фотографии дух тех и других в соответствии с требованиями того времени. На каждом лице было написано сознание физической силы и одновременно с этим гордости от принадлежности к тайному ордену, стоящему вне и над остальным обществом, и причастности к важному и увлекательному обряду, о смысле которого непосвященные могут только строить догадки, и притом догадки ложные. Немаловажно и то обстоятельство, что гордость за эту причастность светилась в глазах уборщиков ничуть не в меньшей степени, чем в глазах машинистов и инспекторов или даже их начальника — единственного среди них без корзиночки с завтраком.

Послышался звук зуммера, и Пол сошел с осевой линии, уступая дорогу механическому уборщику, погромыхивающему по рельсам. Машина вздымала своими вертящимися щетками облако пыли и тут же засасывала это облако с жадным чавканьем. Кошка, сидевшая на руках у Пола, вцепилась когтями в его костюм и зашипела на машину.

Пол вдруг почувствовал щемящую резь в глазах и сообразил, что смотрит на сияние и брызги сварочных машин незащищенными глазами. Он нацепил черные стекла поверх своих очков и сквозь антисептический аромат озона зашагал к группе токарных станков номер три в центре здания, в новой его части.

Он приостановился у последней группы сварочных машин, и ему вдруг захотелось, чтобы Эдисон оказался рядом и увидел бы все это. Старик наверняка был бы очарован. Две стальные пластины были сняты со штабеля, затем их прокатили по лотку и перехватили механическими лапами, которые бросили их под сварочную машину. Головки сварочных аппаратов опустились, выбросили снопы искр и снова поднялись. Целая батарея электрических глаз тщательно обследовала соединения двух пластин и послала в комнату Катарины данные о том, что в пятой группе сварочных машин здания 58 все в порядке. А сваренные пластины теперь уже по другому лотку покатались в челюсти прессовальной группы в подвале. Каждые семнадцать секунд каждая из двенадцати машин в группе завершала свой цикл.

При взгляде в глубь здания 58 Полу показалось, что это огромный гимнастический зал, в котором различные группы спортсменов отрабатывают различные упражнения: маховые движения, прыжки, приседания, броски, покачивания... Эту сторону новой эры Пол любил: машины сами по себе были увлекательными и приятными существами.

По пути он открыл коробку контрольного механизма группы сварочных машин и увидел, что они установлены на эту операцию еще на три дня. После этого их автоматически выключат до того времени, пока Пол не получит новых указаний из штаба и не передаст их доктору Лоусону Шеферду — своему помощнику, который отвечает за здания от номера 53 до 71 включительно. Шеферд сегодня нездоров; поправившись, он установит контрольные приборы на выпуск новой партии задних стенок для холодильников — на столько, сколько этих задних стенок, по мнению ЭПИКАК — счетной машины в Карлсбадских пещерах, — в состоянии использовать экономика.

Поглаживая встревоженную кошку своими длинными тонкими пальцами, Пол с безразличием подумал о том, на самом ли деле Шеферд сегодня болен. Скорее всего нет. Похоже, что он сейчас встречается с важными людьми, пытаясь получить перевод — освобождение из-под власти Пола.

Шеферд, Пол и Финнерти еще зелеными юнцами приехали на Заводы Илиум. Финнерти теперь переведен в Вашингтон и ворочает более крупными делами; Пол получил самую высокую должность в Илиуме; а Шеферд, надутый и чванливый, и все-таки отличный работник, считал себя униженным и обойденным, когда его назначили в помощники Полу. Перемещения по службе были в руках более высокой инстанции, и Пол молил Бога, чтобы Шеферда повысили.

Он подошел к третьей группе токарных станков, которая и была причиной неполадок. Пол уже давно, но безуспешно ходатайствовал о списании этой группы на лом. Токарные станки были устаревшего типа и рассчитаны на обслуживание людьми. Во время войны их наспех приспособили к новым техническим требованиям. Точность они уже теряли и, как показывал счетчик в кабинете Катарины, теперь отказывали уже и в количественном отношении. Пол готов был побиться об заклад, что они сейчас давали до десяти процентов брака, обычного при обслуживании человеком, да еще с присущими тем временам грудами отходов.

Пять рядов по двести станков в каждом, одновременно вгрызаясь резцами в заготовки из стали, выбрасывали готовые детали на непрерывную ленту конвейера, останавливались на время, необходимое для закрепления в зажимах новых заготовок, зажимали их и, опять вгрызаясь резцами в заготовки, выбрасывали готовые детали.

Пол открыл ящик, в котором хранилась лента с записями операций, управлявшая всеми этими станками.

Лента была не чем иным, как маленькой петелькой, которая непрерывно бегала по магнитным снимателям. В свое время на ней были записаны все движения токаря, обрабатывающего валы для мотора в одну лошадиную силу. Пол попытался подсчитать, сколько же лет тому назад это происходило — одиннадцать? двенадцать? Нет, тринадцать лет назад именно он, Пол, и производил эту запись работы токаря, обрабатывающего валы...

Еще не успели просохнуть чернила на их докторских дипломах, как он с Финнерти и Шефердом был направлен в механический цех для производства таких записей. Начальник цеха указал им своего лучшего работника — как же было его имя? — и, подшучивая над озадаченным токарем, трое способных молодых людей подключили записывающий аппарат к рычагам токарного станка. Гертц! — вот как звали этого токаря. Руди Гертц, человек старого уклада, которого вот-вот должны были отправить на пенсию. Сейчас Пол вспомнил и его имя, и то почтение, с которым старик относился к талантливому молодому людям.

По окончании работы они упросили начальника цеха отпустить с ними Руди и с показным и эксцентричным демократизмом людей «от станка» пригласили Руди в пивную напротив завода. Руди не очень разобрался, зачем понадобились им все эти записи, но то, что он понял, ему понравилось: ведь именно его выбрали из тысяч других токарей, чтобы обессмертить его движения, записав их на магнитную ленту.

И вот сейчас эта маленькая петелька ферромагнитной ленты лежит в ящичке перед глазами Пола, воплощение работы Руди, того самого Руди, который в тот вечер включал ток, устанавливал количество оборотов, присматривал за работой резца. В этом только и заключалась сущность Руди с точки зрения самой машины, с точки зрения экономики, с точки зрения военных